

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Тургеневъ и Чеховъ.

(Первая лекція Б. А. Грифцова).

К. Чуковский, а за нимъ и Ю. Айхенвальдъ провожаютъ литературную волну, уходящую въ глубь исторіи. Первымъ сдѣлавъ попытку переоцѣнить «старыя» цѣнности литературы періода нашего возрожденія, второй дѣлаетъ еще большую попытку—переоцѣнить писателя «великаго кануна», Тургенева.

Б. А. Грифцовъ въ лекции, прочитанной 12 декабря въ помѣщеніи железнодорожнаго собранія, тоже идетъ за этой новой волной, тоже пытается точно опредѣлить мѣсто писателя въ пантеонѣ русской литературы.

— Тургеневъ романистъ, проповѣдникъ тѣхъ идеаловъ, которыми жила Россія наканунѣ многообѣщающаго возрожденія русской общественной жизни. Но какъ поэтъ—онъ лирикъ, поражающій безысходностью своей тоски, мрачностью и глубиной пессимизма. Эта двойственность наложила печать искусственности на него, какъ романиста, выразителя новыхъ идей,—искусственности, за которой всегда сквозила личная драма. Въ разладѣ между дѣйствительной жизнью его героевъ и ихъ общественнымъ сгедомъ и заключается основное противорѣчіе его творчества.

— Его герои совсѣмъ не строители новыхъ жизненныхъ отношеній, какъ того требовала его общественная программа, а нелѣпѣйшіе люди, безсмысленно погибающіе въ тинѣ обыденщины.

— Прозабывая на аренѣ общественнаго служенія, какъ романистъ-соціологъ, Тургеневъ недостижимо великъ, какъ поэтъ-лирикъ и психологъ. Правда, его поэтический геній мраченъ, его лирика безнадежно грустна; правда и то, что онъ весь полонъ отрицанія жизни, зато онъ здѣсь цѣлостно и чисто, интимно и всегда близко, какъ Надсоновскій «страдающій, тоскующій братъ». Основнымъ фономъ его лирики является неравнѣе къ жизни, властелинъ которой—фатальная необходимость. Его отношеніе къ женщинѣ, къ любви, къ природѣ, къ жизни вообще полно тихой лирической грусти. Его герои «берутъ голову въ руки» и заставляютъ сердце молчать. И во всѣхъ его лирическихъ произведеніяхъ сквозитъ какая-то особенная нѣжность. Вотъ почему такъ трогаетъ насъ этотъ другой Тургеневъ, и въ нашемъ сердцѣ заставляетъ рыдать тѣ же струны, которыя рыдаютъ въ его большой тоскующей душѣ.

— Примиряющимъ элементомъ для Тургенева новаго и стараго является общій мотивъ его творчества—созвучіе красоты человѣческаго горя.

Перехода къ оцѣнкѣ значенія Чехова въ исторіи русской литературы лекторъ отмѣчаетъ долгое непризнаніе таланта «бѣлая хмурыхъ людей» даже такимъ чуткимъ критикомъ, какъ Михайловскій.

Чехова поняли у насъ не сразу, словно не ожидали, что въ наше время можетъ притти писатель съ такой цѣльной душою, просто и непосредственно зарисовывающій жизнь. Произведенія Чехова дороги и близки потому, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ проповѣдь; жизнь передается такой, какова она есть: если ужъ тоска, то тоска безысходная, если ужъ страхъ, то страхъ безпредѣльный. Но несмотря на то, что Чеховъ совершенно съ другой стороны подходилъ къ жизни и воспринималъ ее не такъ, какъ Тургеневъ, у нихъ много, очень много общихъ чертъ и родства въ мотивахъ интимной лирики. Прежде всего у нихъ одна и та же грусть, непонятная, безпредѣльная, неизбежная и даже причины ея однѣ и тѣ же. Чеховъ такъ же, какъ и Тургеневъ, говоритъ, что въ жизни нѣтъ ничего такого, за что стоило бы отдать хотя маленькую частицу своей души. У Чехова тотъ-же ужасъ жизни, то же Тургеневское «страшно то, что въ жизни нѣтъ ничего страшнаго» (рассказъ «Страхъ»), такой-же безнадежный пессимизмъ, какъ и въ тургеневскомъ разговорѣ двухъ снѣжныхъ альпійскихъ вершинъ, та-же безнадежная любовь къ женщинѣ, та же неизбежно ускользающая радость всѣхъ его произведеній. Юность и радость—сестры по крови и крови—уходятъ изъ жизни такъ же, какъ изъ «Трехъ сестеръ» уходитъ полкъ, и въ опустѣвшей душѣ человѣка остается одна безнадежность. Даже взгляды на природу у нихъ одинаковы—природа враждебна человѣку. Чеховъ, какъ и Тургеневъ, поклонникъ красоты, но красота для него грустна, какъ грустна и любовь.

— Если въ чемъ сходится оба эти писателя, такъ чуткіе и близкіе къ описанію красоты человѣческаго страданія.

Лекторъ былъ награжденъ продолжительными аплодисментами.

И. П.